

1. ЛАВКА БОГОВ

Мама всегда начинает разговор так, словно мы не прекращали какого-то горячего давнего спора.

— Перл, надо ехать, и точка! — объявила она, позвонив на прошлой неделе.

И лишь спустя несколько минут я поняла, о чем идет речь: тетушка Хелен приглашала всю семью на празднование помолвки моего кузена Бао-Бао.

Вся семья — это Квоны и Лю. Квонов представляли тетушка Хелен, дядюшка Генри, Мэри, Фрэнк и Бао-Бао. А Лю после смерти отца и переезда брата Сэмюэля в Нью-Джерси заканчивались на мне и маме. Квоны считались частью нашей семьи, сколько я себя помнила, хотя и не являлись нам кровными родственниками: первый муж тетушки Хелен был братом моей матери, и умер задолго до моего рождения.

Настоящее имя кузена, о котором говорила мама, Роджер. Все наше семейство стало называть его Бао-Бао почти с рождения, потому что это означает «драгоценное дитя». А потом мы звали его так потому, что он рос плаксо́й и нытиком. Как только тетушка или дядюшка показывались на пороге, он начинал рыдать и жаловаться на то, что его обижают другие дети.

— Бао-Бао? Как это — празднование помолвки? — переспросила я. — Он что же, в третий раз женится?!

— В четвертый! — поправила меня мама. — Прошлый раз не считается, он так и не женился, а разошелся с невестой еще до свадьбы, хотя мы уже отправили ему подарок! Ну, разумеется, Хелен не объявляет о помолвке прямо. Она твердит, что устраивает большую семейную встречу ради Мэри.

— Мэри тоже приедет? — Нас с двоюродной сестрой объединяет не только кровь. Мэри замужем за Дугом Чу, который учился в медицинском университете вместе с моим мужем Филом Брандтом. Именно она познакомила нас шестнадцать лет назад.

— Да, Мэри приедет вместе с мужем и детьми, — подтвердила мама. — Они на следующей неделе вылетают из Лос-Анджелеса. У них не было времени заказать перелет заранее, чтобы получить скидку. Им придется покупать билеты за полную стоимость, представляешь?

— Так это будет на следующей неделе? — переспрашиваю я, лихорадочно пытаюсь найти уважительную причину для отказа. — Немного несвоевременное приглашение, у нас другие планы. Мы должны...

— Тетуска Хелен уже посчитала вас, когда заказывала большой банкет в ресторане «Водяной дракон». Она забронировала целых пять столов. Если вы не приедете, у нее останется полстола лишних.

Я представила низенькую и круглую тетуску Хелен, пытающуюся заполнить собой наши полстола.

— А кто еще будет?

— Много больших, важных людей, — ответила мама, произнося слово «важных» так, что казалось: эти люди ей совсем не нравятся. — Ну, и, конечно, Хелен всем говорит, что придет Бао-Бао со своей новой невестой. Ее начинают расспрашивать: «Как? У Бао-Бао опять появилась невеста?» И тут тетушка Хелен изображает смущение: «Ах, как же так, я совсем забыла! Это ведь большой сюрприз! Только никому не говорите!» — Мама фыркает. — Вот так она всем об этом и рассказывает. Чтобы все привезли подарки. Тоже в виде сюрприза. Ты что купила в прошлый раз?

— На помолвку Бао-Бао с той студенточкой? Ой, вроде конфетницу...

— А когда они расстались, он ее вернул?

— Наверное, нет. Я уже и не помню.

— Вот видишь! Такие они, эти Квоны. В этот раз так не тратся.

За два дня до званого ужина мама позвонила снова.

— Теперь уж ничего не поделаешь! — Ее голос звучал так, словно я что-то натворила.

Мама сообщила о кончине моей девяностосемилетней двоюродной тетушки Ду. Известие озадачило меня — я думала, что старушка давно умерла.

— Она тебе кое-что оставила. Можешь забрать на этих выходных.

Тетушка Ду была родственницей тетушки Хелен — сводной сестрой ее отца или кем-то в этом роде. Но, насколько я помню, больше всего ухаживала за тетушкой Ду моя мать. Каждую неделю она выносила у старушки мусор и не давала ей снова

и снова подписываться на разные журналы, когда в ее почтовый ящик попадали рекламные листовки, в которых ее имя стояло рядом с фразой «Миллион долларов». А еще мама постоянно подавала заявки в медицинскую страховую компанию, чтобы Ду возместили траты на ее растительные лекарства.

Годами мать сетовала, что возится с тетушкой вместо Хелен.

— Представь, *эта Хелен* даже на словах не пытается помочь! — повторяла она.

В один прекрасный день — кажется, лет десять назад — я ее перебила:

— Почему ты не скажешь тетушке Хелен о том, что тебе не нравится ее отношение к старушке Ду, и не перестанешь жаловаться?

Задать такой вопрос мне посоветовал Фил. Я сочла это идеальным и разумным способом помочь маме осознать причину ее страданий и побудить сделать что-нибудь для исправления ситуации.

Но когда я произнесла эти слова, мама молча посмотрела на меня с окаменевшим лицом. И после этого ни разу не жаловалась. Ну, если точнее, она вообще прекратила со мной разговаривать — на два месяца. Когда мы возобновили общение, о тетушке Ду мама больше никогда не упоминала. Наверное, поэтому я и решила, что та давно умерла.

— А что с ней случилось? — спросила я, стараясь показать голосом, насколько потрясена. — Удар?

— Автобус, — ответила мама.

Оказывается, тетушка Ду пребывала в добром здравии вплоть до самого конца. Она ехала на калифорнийском автобусе первого маршрута, когда его водителю пришлось взять резко в сторону, чтобы

избежать столкновения с тем, что мама назвала «колымагой с сумасшедшими подростками», проигнорировавшей красный сигнал светофора. От толчка тетушка вылетела в проход между сиденьями и упала. Как только стало известно, в какой госпиталь ее отвезли, мама, разумеется, сразу отправилась туда. Доктора не нашли никаких повреждений, кроме вполне предсказуемых шишек и синяков. Однако тетушка сказала, что она не может ждать, пока доктора обнаружат то, о чем она и без них знает. Поэтому моей маме пришлось прямо там с ее слов записать завещание: кому достанется тридцатилетний разбитый диван, кому — черно-белый телевизор, и тому подобное. Тем же вечером тетушка скончалась от не выявленного вовремя сотрясения мозга. Хелен собиралась навестить ее на следующий день, но опоздала.

— Бао-Бао Роджер сказал, что нам следует подать на них в суд и потребовать миллион долларов, — сказала мама. — Ты представляешь? Как можно о таком думать! Когда он узнал о смерти тетушки, то не пролил ни слезинки. Ему лишь бы заработать денег на ее охладевшем теле! Ух! И почему именно мне придется сообщать, что она оставила Бао-Бао два светильника? Может, мне стоит просто забыть об этом?..

Мама ненадолго замолчала. Потом добавила:

— Она была хорошей женщиной. Уже купили четырнадцать венков. — И, переходя на шепот, пояснила: — Конечно, мы всем даем шестидесятипроцентную скидку.

Маме и тетушке Хелен принадлежит цветочная лавка на аллее Росса в Китайском квартале. Идея

о собственном бизнесе пришла им в головы лет двадцать пять назад, когда мама овдовела, а тетушку уволили с работы. Мне кажется, эта лавка стала своеобразным воплощением мечты, которая сбылась там, где свершилась катастрофа.

Мама вложила в лавку деньги, которые для нее собрала Первая китайская баптистская церковь, где отец служил помощником пастора, а тетушка Хелен — сбережения, которые скопила, пока работала в другой цветочной лавке, где и освоила ремесло. Оттуда ее уволили, вменив в вину «излишнюю честность», если верить тетушкиным словам. Правда, мама подозревала, что дело в том, что Хелен всегда предлагала клиентам купить букетик подешевле, чтобы избежать лишних трат.

— Иногда я жалею, что женился на китаянке, — сказал Фил, когда узнал, что придется ехать в Сан-Франциско. Нам предстояло преодолеть сотню миль в оба конца, и путь грозил изрядно затянуться из-за пробок, которые обычно устраивают футбольные фанаты по выходным.

Хотя за пятнадцать лет супружеской жизни мой муж проникся нежной симпатией к теще, его все еще раздражали ее некоторые пожелания. И встреча с дальней родней определенно не входила в представление об идеальных выходных.

— А нам точно надо ехать? — рассеянно уточнил Фил, взясь с новой программой, которую загрузил на ноутбук. — Ага! — воскликнул он, адресуясь к экрану. И захлопал в ладоши.

Люди обычно находят моего мужа сдержанным и исполненным достоинства. Но сейчас

сорокатрехлетний Фил с его седыми кудрями напоминал мальчика, играющего с корабликом.

Я сделала вид, что внимательно вчитываюсь в текст, который требовал доработки. Три месяца назад я устроилась речевым терапевтом в местный отдел народного образования. В целом работа мне нравилась, но в глубине души я беспокоилась, что, согласившись на нее, упустила возможность устроиться получше. Эту мысль вложила мне в голову мать. Стоило мне сообщить ей, что меня выбрали, отказав двум другим кандидатам, как она выдала: «Двум? Только два человека хотели заполучить эту должность?»

Фил поднял взгляд от монитора, и его лицо приняло озабоченное выражение. Я знала: он думает о моем «недомогании», как мы называли рассеянный склероз, который пока не лишал меня сил полностью, но заставлял быстро уставать.

— Это будут напряженные выходные, — сказал он. — К тому же мне казалось, что ты не выносишь своего кузена, этого Бао-Бао. А ведь туда приедет еще и Мэри. Боже, она невыносима!

— Хм.

— Может, отвертишься?

— Не-а.

Он вздохнул. На этом обсуждение закончилось. За годы брака мы научились аккуратно обходить тему моей семьи и моего долга по отношению к ней. Прежде это было самым большим камнем преткновения.

Раньше, когда мы только поженились, Фил говорил, что слепое чувство долга загоняет меня в постоянное ощущение страха и вины. Я же упрекала его в эгоизме и заявляла, что жизнь состоит не только

из развлечений. А он говорил, что меня с помощью манипуляций вынуждают думать, будто я обязана посещать бесчисленные встречи, и что я поступаю с ним точно так же. Потом родился наш первый ребенок, Тесса, а год спустя мне поставили диагноз. Наши споры приобрели другой характер: мы больше не бросались в горячие философские дебаты из-за того, что наши представления о самых разных вещах так сильно различаются. Возможно, это произошло потому, что Фил стал ощущать свой долг перед дочерью, да и передо мной, пусть даже из-за состояния моего здоровья. И вопрос индивидуального выбора, являвшийся до той поры болезненным, но неизбежным бременем, как-то сам собой исчез — вместе с темами курения, употребления говядины и ношения украшений из слоновой кости.

Теперь мы спорим по незначительным, но более конкретным поводам. Например, обсуждая мои уступки просьбам Тессы посмотреть телевизор «еще полчаса», оставляем за скобками различия во взглядах на дисциплину и воспитание в целом. В конечном итоге мы почти всегда приходим к соглашению. Наверное, слишком быстро, но только потому, что результат наших мелких конфликтов, как правило, известен заранее.

Наша жизнь течет настолько ровно и гладко, насколько это вообще возможно. Иногда меня это даже беспокоит. Бывает, я скучаю по временам, когда Фил спорил со мной, а я отстаивала свою точку зрения. Тогда я могла убедить хотя бы себя в своей правоте. А теперь я и сама плохо понимаю, почему исправно продолжаю выполнять свои обязанности перед семьей. Постепенно долг по отношению

к родне стал меня тяготить, но я никогда не признаюсь в этом Филу. Меня совершенно не радует встреча с Квонами, особенно с Мэри. А оказываясь рядом с матерью, я не могу отделаться от ощущения, что иду по минному полю.

Что бы ни стало причиной, чувство вины перед мужем или злость на саму себя, но я поступила следующим образом: дождалась дня накануне отъезда и только тогда сказала Филу, что нам придется заночевать у родни, чтобы проводить в последний путь тетушку Ду.

В тот ужасный уик-энд мы решили пораньше прибыть в город, чтобы заселиться в гостиницу и, возможно, сводить девочек в зоопарк. Накануне мы выдержали вежливый спор с моей матерью касательно того, где именно остановимся.

— Это очень любезно с вашей стороны, Уинни, — говорил Фил матери по телефону. — Но мы уже забронировали номер в гостинице.

Я слушала разговор на параллельной линии, радуясь, что предложила ему позвонить и объяснить ситуацию.

— В какой гостинице? — спросила мама.

— В «Трэвел Лодж», — соврал Фил. На самом деле номер был в «Хаятт».

— Ай, там слишком дорого! Зачем вам такие траты? Погостите у меня, здесь полно комнат!

Фил попытался мягко отклонить приглашение:

— Нет, нет, в самом деле. Не стоит беспокоиться. Правда.

— Это кто тут беспокоится?! — насторожилась мама.

И вот Фил уже помогает дочерям расположиться в комнате, некогда принадлежавшей моему младшему брату. Они всегда жили в ней, когда мне или Филу приходилось уезжать на медицинские конференции. Вообще-то иногда мы только делали вид, что отправляемся на конференцию, а на самом деле возвращались домой и занимались делами, которые никак не могли закончить, пока рядом находились дети.

Фил решил, что восьмилетняя Тесса будет спать на односпальной кровати, а трехлетняя Клео — на раскладушке.

— Сейчас моя очередь спать на кровати, — объявляет Клео. — Так сказала *ха-бу*.

— Но, Клео... — пытается сопротивляться Тесса. — Тебе же *нравится* раскладушка.

— *Ха-бу!* — зовет Клео на помощь бабушку. — *Ха-бу!*

Мы с Филом занимаем мою девичью комнату, по-прежнему набитую старомодной мебелью. Я не была здесь со дня свадьбы. В ней ничего не изменилось со времен моей юности, если не считать нынешней стерильной чистоты. Та же двуспальная кровать на массивном каркасе и толстых ножках, тот же туалетный столик с круглым зеркалом и инкрустацией из дуба, ясеня, капа и перламутра. Забавно, но раньше я ненавидела этот предмет, а сейчас он кажется мне даже красивым, похожим на мебель в стиле ар-деко. Интересно, отдаст мне мама столик, если я захочу его забрать?

Я замечаю, что мои старые китайские шлепанцы с дырками на месте больших пальцев аккуратно поставлены под кровать. Здесь ничего не

выбрасывается: вдруг пригодится, пусть даже спустя двадцать лет. Тесса с Клео уже успели порыться в шкафу и распотрошить коробки с игрушками и прочим хламом. И теперь рядом с тапочками валяются кукольные платья, тиара со стразами и розовая пластмассовая шкатулка для украшений с надписью «Мои тайные сокровища» на крышке. Они даже снова повесили на двери немыслимую звездочку в голливудском стиле, которую я сама сделала в шестом классе, выложив на ней бусинами свое имя: «ПЕРЛ».

— Боже! — говорит Фил дурашливым тоном. — Это точно интереснее, чем номер в «Трэвел Лодж»!

Я шлепаю его по ноге. Он в свою очередь хлопает ладонью по не сочетающимся друг с другом полотенцам, лежащим на кровати. Эти полотенца — подарок от Квонов на самое первое Рождество после того, как наша семья переехала из Чайна-тауна в район Ричмонда. Значит, им уже тридцать лет.

В этот момент Тесса и Клео врываются в комнату, объявляя, что готовы идти в зоопарк. С ними пойдет Фил, а я отправлюсь в цветочную лавку «Дин Хо», чтобы помочь там с работой. Мама не то чтобы попросила меня об этом. Она просто сообщила напряженным тоном, что тетушка Хелен собирается уйти из магазина пораньше и подготовиться к торжественному ужину. И это несмотря на то, что в магазине столько дел и до похорон тетушки Ду остался всего один день! Потом она напомнила, что тетушка всегда очень гордилась мной. А в нашей семье признаться в том, что гордишься кем-то — почти то же самое, что для других признание в любви. И затем мама предложила мне зайти в магазин, чтобы выбрать красивый венок.